

Анархизм эпохи после дефицита

1968, источник: [здесь](#)

Предварительные условия и ВОЗМОЖНОСТИ

Все успешные революции прошлого были партикуляристскими революциями меньшинств, стремившихся утвердить свои специфические интересы над интересами всего общества. Великие буржуазные революции Нового времени предлагали идеологию масштабного политического переустройства, но в действительности они лишь подтверждали социальное господство буржуазии, давая формальное политическое выражение экономическому превосходству капитала. Возвышенные понятия «нации», «свободного гражданина», равенства перед законом скрывали обыденную реальность централизованного государства, атомизированного изолированного человека и господства буржуазных интересов. Несмотря на свои масштабные идеологические заявления, партикуляристские революции заменили господство одного класса другим, одну систему эксплуатации – другой, одну систему труда – другой, а одну систему психологического подавления — новой.

Уникальность нашей эпохи заключается в том, что партикулярная революция теперь уступила место возможности всеобщей революции — полной и тоталистической. Буржуазное общество, если оно не достигло ничего другого, произвело революцию в средствах производства в беспрецедентных в истории масштабах. Эта технологическая революция, кульминацией которой стала кибернетика, создала объективную, количественную основу для мира без классового господства, эксплуатации, труда и материальной нужды. Теперь существуют средства для развития совершенного человека, тотального человека, освобождённого от чувства вины и авторитарных методов воспитания и отданного на волю желания и чувственного постижения чудесного. Теперь можно представить будущий опыт человека в терминах целостного процесса, в котором раздвоения мысли и деятельности, разума и чувственности, дисциплины и спонтанности, индивидуальности и сообщества, человека и природы, города и страны, образования и жизни, работы и игры разрешаются, становятся гармоничными и органично скрепляются в качественно новом царстве свободы. Как партикулярная революция породила партикулярное, раздвоенное общество, так и всеобщая революция может породить органически единое, многогранное сообщество. Великая рана, открытая собственническим обществом в форме «социального вопроса», теперь может быть исцелена.

То, что свобода должна пониматься в человеческих, а не в животных терминах — в терминах жизни, а не выживания, — достаточно ясно. Люди не избавляются от уз рабства и не становятся полноценными людьми, лишь избавившись от социального господства и обретя свободу в её абстрактной форме. Они должны быть свободны и конкретно: свободны от материальной нужды, от труда, от бремени посвящать большую часть своего времени — более того, большую часть своей жизни — борьбе с необходимостью. Увидеть эти материальные предпосылки человеческой свободы, подчеркнуть, что свобода предполагает наличие свободного времени и материальных предпосылок для отмены свободного времени как социальной привилегии, — таков великий вклад Карла Маркса в современную революционную теорию.

В то же время не следует путать предпосылки свободы с условиями свободы. Возможность освобождения не означает его реальность. Наряду с позитивными аспектами технический прогресс имеет и явно негативную, социально регрессивную сторону. Если верно, что технический прогресс расширяет историческую возможность свободы, то верно и то, что буржуазный контроль над технологией укрепляет сложившуюся организацию общества и повседневной жизни. Технологии и ресурсы изобилия дают капитализму средства для ассимиляции широких слоёв общества в установленную систему иерархии и власти. Они обеспечивают систему оружием, средствами обнаружения и средствами пропаганды как угрозы, так и реальности массовых репрессий. По своей централизованной природе ресурсы изобилия усиливают монополистические, централистские и бюрократические тенденции в политическом аппарате. Короче говоря, они предоставляют государству исторически беспрецедентные средства для манипулирования и мобилизации всей сферы жизни — и для увековечивания иерархии, эксплуатации и несвободы.

Следует, однако, подчеркнуть, что такое манипулирование и использование окружающей среды крайне проблематичны и чреваты кризисами. Попытка буржуазного общества контролировать и эксплуатировать окружающую среду, как природную, так и социальную, далеко не всегда приводит к умиротворению (вряд ли здесь можно говорить о гармонизации), но имеет разрушительные последствия. О загрязнении атмосферы и водных путей, об уничтожении древесного покрова и почвы, о токсичных веществах в продуктах питания и водах написаны огромные тома. Ещё более угрожающими по своим конечным результатам являются загрязнение и разрушение самой экологии, необходимой для существования такого сложного организма, как человек. Концентрация радиоактивных отходов в живых организмах представляет угрозу для здоровья и генетического потенциала почти всех видов. Всемирное загрязнение пестицидами, подавляющими выработку кислорода в планктоне, или почти токсичный уровень свинца в бензиновых выхлопах — примеры постоянного загрязнения, угрожающего биологической целостности всех развитых форм жизни, включая человека.

Не менее тревожным является тот факт, что мы должны кардинально пересмотреть наши традиционные представления о том, что является загрязнителем окружающей среды. Ещё несколько десятилетий назад было бы абсурдно называть углекислый газ и тепло загрязнителями в привычном понимании этого термина. Однако оба эти вещества могут оказаться в числе наиболее серьёзных источников будущего экологического дисбаланса и представлять серьёзную угрозу для жизнеспособности планеты. В результате

промышленной и бытовой деятельности количество углекислого газа в атмосфере за последние сто лет увеличилось примерно на двадцать пять процентов, а к концу века может удвоиться. В средствах массовой информации широко обсуждается знаменитый «парниковый эффект», который, как ожидается, вызовет увеличение количества этого газа; предполагается, что в конечном итоге газ будет препятствовать рассеиванию мирового тепла в пространстве, вызывая повышение общей температуры, что приведёт к таянию полярных ледяных шапок и затоплению обширных прибрежных районов. Тепловое загрязнение — результат сброса тёплой воды атомными и обычными электростанциями — оказывает катастрофическое воздействие на экологию озёр, рек и эстуариев. Повышение температуры воды не только наносит ущерб физиологической и репродуктивной деятельности рыб, но и способствует мощному цветению водорослей, которые стали такой грозной проблемой для водных путей.

В экологическом плане буржуазная эксплуатация и манипуляции подрывают саму способность Земли поддерживать развитые формы жизни. Кризис усугубляется массовым увеличением загрязнения воздуха и воды; растущим накоплением неразлагаемых отходов, остатков свинца, пестицидов и токсичных добавок в пище; расширением городов до обширных городских поясов; растущими стрессами из-за перенаселённости, шума и массового проживания; а также бессмысленным уродованием земли в результате горных работ, лесозаготовок и спекуляции недвижимостью. В результате за несколько десятилетий Земля подверглась опустошению в масштабах, небывалых за всю историю обитания человека на планете. В социальном плане буржуазная эксплуатация и манипуляции довели повседневную жизнь до мучительной пустоты и скуки. Поскольку общество превратилось в фабрику и рынок, сам смысл жизни свёлся к производству ради него самого и потреблению ради него самого. (1)

Искупительная диалектика

Существует ли искупительная диалектика, способная направить социальное развитие в сторону анархического общества, где люди обретут полный контроль над своей повседневной жизнью? Или же социальная диалектика заканчивается капитализмом, его возможности перекрываются использованием высокоразвитой технологии в репрессивных и кооптативных целях? Мы должны извлечь уроки из ограничений марксизма — проекта, который, по понятным причинам, в период материального дефицита привязал социальную диалектику и противоречия капитализма к экономической сфере. Маркс, как было подчёркнуто, рассматривал предпосылки освобождения, а не условия освобождения. Марксистская критика уходит корнями в прошлое, в эпоху материальной нужды и относительно ограниченного технологического развития. Даже его гуманистическая теория отчуждения обращена прежде всего к вопросу о труде и отчуждении человека от продукта своего труда. Однако сегодня капитализм — это паразит на будущем, вампир, выживающий за счёт технологий и ресурсов свободы.

Индустриальный капитализм времён Маркса организовывал товарные отношения вокруг господствующей системы материального дефицита; государственный капитализм нашего времени организует товарные отношения вокруг господствующей системы материального

изобилия. Столетие назад дефицит приходилось терпеть, сегодня его приходится навязывать – отсюда и важность государства в современную эпоху. Дело не в том, что современный капитализм разрешил свои противоречия (2) и аннулировал общественную диалектику, а в том, что социальная диалектика и противоречия капитализма распространились с экономической на иерархическую сферу общества, с абстрактной «исторической» области на конкретные мелочи повседневного опыта, с арены выживания на арену жизни.

Диалектика бюрократического государственного капитализма берет своё начало в противоречии между репрессивным характером товарного общества и огромным потенциалом свободы, открывающимся благодаря техническому прогрессу. Это противоречие также противопоставляет эксплуататорскую организацию общества миру природы — миру, который включает в себя не только природную среду, но и «природу» человека — его порождённые Эросом импульсы. Противоречие между эксплуататорской организацией общества и природной средой не поддаётся кооптации: атмосфера, водные пути, почва и экология, необходимые для выживания человека, не искупаются реформами, уступками или изменениями политической стратегии. Не существует технологии, способной воспроизводить атмосферный кислород в количествах, достаточных для поддержания жизни на планете. Не существует замены гидрологическим системам Земли. Не существует техники, позволяющей устранить масштабное загрязнение окружающей среды радиоактивными изотопами, пестицидами, свинцом и нефтяными отходами. Нет ни малейших признаков того, что буржуазное общество в обозримом будущем ослабит свои усилия по нарушению жизненно важных экологических процессов, по эксплуатации природных ресурсов, по использованию атмосферы и водных путей в качестве мест захоронения отходов, а также по «раковому» способу урбанизации и землепользования.

Ещё более насущным является противоречие между эксплуататорской организацией общества и порождёнными Эросом импульсами человека — противоречие, которое проявляется как банализация и обеднение опыта в бюрократически манипулируемом, обезличенном массовом обществе. Импульсы, порождённые Эросом, в человеке можно подавить и сублимировать, но их никогда нельзя устранить. Они обновляются с каждым рождением человека и с каждым поколением молодёжи. Неудивительно, что сегодня молодёжь в большей степени, чем представители какого-либо экономического класса или слоя, выражает жизненные импульсы, заложенные в человеческой природе, – порывы желания, чувственности и ожидания чудесного. Таким образом, биологическая матрица, из которой много веков назад возникло иерархическое общество, вновь появляется на новом уровне с наступлением эпохи, знаменующей конец иерархии, только теперь эта матрица насыщена социальными явлениями. Если не манипулировать зародышевой плазмой человечества, жизненные импульсы могут быть аннулированы только с уничтожением самого человека.

Противоречия бюрократического государственного капитализма пронизывают все иерархические формы, выработанные и чрезмерно развитые буржуазным обществом. Иерархические формы, веками питавшие собственническое общество и способствовавшие его развитию, – государство, город, централизованная экономика, бюрократия, патриархальная семья, рынок — достигли своего исторического предела. Они исчерпали

свои социальные функции как способы стабилизации. Вопрос не в том, были ли эти иерархические формы когда-либо «прогрессивными» в марксистском смысле этого слова. Как заметил Рауль Ванейгем: «Возможно, недостаточно сказать, что иерархическая власть сохраняла человечество на протяжении тысячелетий, как алкоголь сохраняет плод, останавливая либо рост, либо его разложение». Сегодня эти формы представляют собой мишень для всех революционных сил, порождённых современным капитализмом, и независимо от того, рассматривают ли их исход как ядерную катастрофу или экологическую катастрофу, они угрожают самому выживанию человечества.

С превращением иерархических форм в угрозу самому существованию человечества общественная диалектика, отнюдь не аннулированная, обретает новое измерение. Она ставит «социальный вопрос» совершенно по-новому. Если человек должен был обрести условия выживания, чтобы жить (как подчёркивал Маркс), то теперь он должен приобрести условия жизни, чтобы выжить. В результате такой инверсии отношений между выживанием и жизнью революция приобретает новую актуальность. Мы больше не стоим перед знаменитым выбором Маркса: социализм или варварство; мы сталкиваемся с более радикальными альтернативами — анархизм или уничтожение. Проблемы необходимости и выживания стали конгруэнтны проблемам свободы и жизни. Они перестали нуждаться в теоретическом посредничестве, «переходных» этапах или централизованных организациях, призванных преодолеть разрыв между существующим и возможным. Возможное, по сути, — это все, что может существовать. Таким образом, проблемы «перехода», которые занимали марксистов на протяжении почти столетия, устраняются не только развитием техники, но и самой общественной диалектикой. Проблемы социальной реконструкции сводятся к практическим задачам, которые могут быть решены спонтанно путём самоосвободительных действий общества.

Революция, по сути, обретает не только новую актуальность, но и новое чувство перспективы. В трайбализме хиппи, в бродяжническом образе жизни и свободной сексуальности миллионов молодых людей, в спонтанных группах анархистов мы находим формы утверждения, которые следуют из актов отрицания. С инверсией «социального вопроса» происходит и инверсия общественной диалектики; «ага» возникает автоматически и одновременно с «неа».

Решения берут своё начало в проблемах. Когда в истории наступает момент, когда государство, город, бюрократия, централизованная экономика, патриархальная семья и рынок достигают своего исторического предела, встаёт вопрос уже не об изменении формы, а об абсолютном отрицании всех иерархических форм как таковых. Абсолютное отрицание государства — это анархизм, ситуация, в которой люди освобождают не только «историю», но и все непосредственные обстоятельства своей повседневной жизни. Абсолютным отрицанием города является коммуна — община, в которой социальная среда децентрализована в компактные, экологически сбалансированные коммуны. Абсолютное отрицание бюрократии — непосредственные, а не опосредованные отношения — ситуация, в которой представительство заменяется отношениями лицом к лицу на общем собрании свободных индивидов. Абсолютным отрицанием централизованной экономики является региональная экотехнология — ситуация, в которой инструменты производства подстраиваются под ресурсы экосистемы. Абсолютное отрицание патриархальной семьи —

это освобождённая сексуальность, в которой все формы сексуального регулирования преодолеваются спонтанным, ничем не ограниченным проявлением эротизма среди равных. Абсолютным отрицанием рынка является коммунизм, при котором коллективное изобилие и сотрудничество превращают труд в игру, а потребность — в желание.

Спонтанность и утопия

Не случайно в тот момент истории, когда иерархическая власть и манипуляции достигли самых угрожающих масштабов, сами понятия иерархии, власти и манипуляций ставятся под сомнение. Вызов этим понятиям исходит из нового осознания важности спонтанности — нового осознания, подпитываемого экологией, возросшей концепцией саморазвития и новым пониманием революционного процесса в обществе.

Экология показала, что равновесие в природе достигается за счёт органической вариативности и сложности, а не за счёт однородности и упрощения. Например, чем разнообразнее флора и фауна в экосистеме, тем стабильнее популяция потенциального вредителя. Чем больше уменьшается разнообразие окружающей среды, тем сильнее колеблется популяция потенциального вредителя, и есть вероятность, что она выйдет из-под контроля. Предоставленная сама себе, экосистема спонтанно стремится к органической дифференциации, большему разнообразию флоры и фауны, а также к разнообразию в количестве хищников и жертв. Это не означает, что необходимо избегать вмешательства человека. Необходимость продуктивного сельского хозяйства, которое само по себе является формой вмешательства в природу, всегда должна оставаться на переднем плане экологического подхода к выращиванию продуктов питания и управлению лесами. Не менее важен и тот факт, что человек часто может произвести в экосистеме изменения, которые значительно улучшат её экологическое качество.

Но эти усилия требуют пронизательности и понимания, а не грубой силы и манипуляций.

Эта концепция управления, это новое отношение к важности спонтанности, имеет далеко идущие последствия для технологии и сообщества — и более того, для социального образа человека в освобождённом обществе. Она бросает вызов капиталистическому идеалу сельского хозяйства как фабрики, организованной вокруг огромных, централизованно контролируемых земельных владений, высокоспециализированных форм монокультуры, сведения местности к заводскому цеху, замены химических процессов органическими, использования рабского труда (gang-labor) и т. д. Для того чтобы выращивание продуктов питания стало способом сотрудничества с природой, а не соревнованием противников, агроном должен досконально изучить экологию земли; он должен обрести новую чувствительность к её потребностям и возможностям. Это предполагает сведение сельского хозяйства к человеческому масштабу, восстановление сельскохозяйственных единиц умеренного размера и диверсификацию сельскохозяйственной ситуации; короче говоря, это предполагает децентрализованную, экологическую систему выращивания продуктов питания.

Аналогичные рассуждения применимы и к борьбе с загрязнением окружающей среды. Развитие гигантских заводских комплексов и использование одно- или двухэнергетических источников являются причиной загрязнения атмосферы. Только развитие небольших промышленных предприятий и диверсификация источников энергии за счёт широкого использования экологически чистой энергии (солнечной, ветровой и водной) позволит снизить уровень промышленного загрязнения. Средства для таких радикальных технологических изменений уже имеются. Технологи разработали миниатюрные заменители крупных промышленных предприятий — небольшие универсальные машины и сложные методы преобразования энергии солнца, ветра и воды в энергию, пригодную для использования в промышленности и дома. Эти заменители зачастую более производительны и менее расточительны, чем существующие сегодня крупные предприятия. (3)

Последствия мелкого сельского хозяйства и промышленности для общества очевидны: если человечество хочет использовать принципы, необходимые для управления экосистемой, основная ячейка общественной жизни должна сама стать экосистемой — экосообществом. Оно также должно стать диверсифицированным, сбалансированным и всесторонне развитым. Эта концепция сообщества отнюдь не продиктована исключительно потребностью в прочном балансе между человеком и миром природы; она также согласуется с утопическим идеалом «всесторонне развитого человека» — индивида, чья чувствительность, диапазон опыта и образ жизни подпитываются широким спектром стимулов, разнообразием деятельности и социальным масштабом, который всегда остаётся в пределах понимания одного человека. Таким образом, средства и условия выживания становятся средствами и условиями жизни; потребность превращается в желание, а желание — в потребность. Достигается момент, когда величайшее социальное разложение становится источником высшей формы социальной интеграции, объединяющей самые насущные экологические потребности с самыми высокими утопическими идеалами.

Если верно, как отмечает Ги Дебор, что «повседневная жизнь — это мера всего: наполнения или, скорее, ненаполнения человеческих отношений, использования нашего времени», то возникает вопрос: Кто такие «мы», чья повседневная жизнь должна быть реализована? И как возникает освобождённое «я», способное превратить время в жизнь, пространство — в сообщество, а человеческие отношения — в нечто чудесное? Освобождение личности — это, прежде всего, общественный процесс. В обществе, которое превратило личность в товар — в предмет, производимый для обмена, — не может быть полноценной личности. Там могут быть только её зачатки, зарождение личности, которая стремится к самореализации — личности, которая в значительной степени определяется препятствиями, которые она должна преодолеть, чтобы достичь реализации. В обществе, внутренности которого до предела переполнены революцией, чьё хроническое состояние — это нескончаемая череда родовых болей, чьё реальное состояние — это нарастающая чрезвычайная ситуация, только одна мысль и действие актуальны — рождение ребёнка. Любая среда, частная или общественная, которая не делает этот факт центром человеческого опыта, является притворством и уменьшает то «я», которое остаётся у нас после того, как мы впитали ежедневный яд повседневной жизни в буржуазном обществе.

Совершенно очевидно, что целью революции сегодня должно быть освобождение повседневной жизни. Любая революция, которая не достигает этой цели, является

контрреволюцией. Прежде всего, освобождаться должны мы сами, наша повседневная жизнь со всеми её моментами, часами и днями, а не такие универсалии, как «история» или «общество». (4)

Я всегда должно быть идентифицируемо в революции, а не подавлено ею. Я всегда должно быть ощутимо в революционном процессе, а не погружено в него. В «революционном» лексиконе нет более зловещего слова, чем «массы». Революционное освобождение должно быть самоосвобождением, достигающим социальных масштабов, а не «освобождением масс» или «освобождением классов», за которым скрывается господство элиты, иерархии и государства. Если революция не создаёт новое общество путём своей активности и самомобилизации революционеров, если она не включает в революционный процесс формирование себя, то революция снова обойдёт тех, кому предстоит жить каждый день, и оставит повседневную жизнь незатронутой. Из революции должно возникнуть Я, которое полностью овладеет повседневной жизнью, а не повседневная жизнь, которая снова полностью овладеет Я. Таким образом, наиболее развитой формой классового сознания становится самосознание — конкретизация великих освобождающих универсалий в повседневной жизни.

Уже по одной этой причине революционное движение глубоко озабочено образом жизни. Оно должно стараться жить революцией во всей её полноте, а не только участвовать в ней. Оно должно быть глубоко озабочено образом жизни революционера, его отношениями с окружающей средой и степенью его самоэмансипации. Стремясь изменить общество, революционер не может избежать изменений в самом себе, требующих отвоевания собственного бытия. Как и движение, в котором он участвует, революционер должен стараться отражать условия общества, к которому он стремится, – по крайней мере, в той степени, в какой это возможно сегодня.

Предательства и неудачи последнего полувека сделали аксиомой тот факт, что нельзя отделять революционный процесс от революционной цели. Общество, основной целью которого является самоуправление во всех сферах жизни, может быть достигнуто только путём самостоятельной деятельности. Это предполагает такой способ управления, который всегда принадлежит самому себе. Власть человека над человеком может быть уничтожена только тем процессом, в котором человек обретает власть над своей собственной жизнью и в котором он не только «открывает» себя, но, что более значимо, в котором он формулирует свою самость во всех её социальных измерениях.

Либертарианское общество может быть достигнуто только путём либертарианской революции. Свобода не может быть «доставлена» человеку как «конечный продукт революции»; собрание и сообщество не могут быть созданы законодательно или декретом. Революционная группа может целенаправленно и сознательно стремиться к созданию этих форм, но если не позволить собранию и сообществу возникнуть органически, если их рост не будет вызревать в процессе демассификации, самодеятельности и самореализации, они останутся лишь формами, как Советы в послереволюционной России. Собрание и община должны возникнуть в рамках революционного процесса; более того, революционный процесс должен быть формированием собрания и общины, а также уничтожением власти, собственности, иерархии и эксплуатации.

Революция как самодеятельность не является уникальным явлением для нашего времени. Она является главной чертой всех великих революций в современной истории. Ею отмечены путешествия санкюлотов в 1792-х и 1793-х годах, знаменитые «пять дней» февраля 1917-го года в Петрограде, восстание пролетариата Барселоны в 1936-м году, первые дни Венгерской революции 1956-го года, майско-июньские события в Париже 1968-го года. Почти каждое революционное восстание в истории нашего времени было инициировано спонтанной самодеятельностью «масс» – часто вопреки нерешительной политике, проводимой революционными организациями. Каждая из этих революций была отмечена необычайной индивидуальностью, радостью и солидарностью, которые превращали повседневную жизнь в праздник. Это сюрреалистическое измерение революционного процесса, с его взрывом глубинных либидных сил, недобро ухмыляется со страниц истории, как лицо сатира на мерцающей воде. Недаром большевистские комиссары в ночь на 7-е ноября 1917-го года разбили винные бутылки в Зимнем дворце.

Пуританство и трудовая этика традиционных левых обусловлены одной из самых мощных сил, противостоящих революции сегодня, – способностью буржуазной среды проникать в революционные рамки. Истоки этой силы лежат в товарной природе человека при капитализме — качестве, которое почти автоматически переносится на организованную группу и которое группа, в свою очередь, укрепляет в своих членах. Как подчёркивал покойный Йозеф Вебер, все организованные группы «имеют тенденцию становиться автономными, то есть отчуждаться от своей первоначальной цели и превращаться в самоцель в руках тех, кто ими управляет». Это явление в равной степени относится как к революционным организациям, так и к государственным и полу-государственным институтам, официальным партиям и профсоюзам.

Проблема отчуждения никогда не может быть полностью решена в отрыве от самого революционного процесса, но от неё можно защититься путём острого осознания того, что проблема существует, и частично решить её путём добровольной, но радикальной переделки революционера и его группы. Эта перестройка может начаться только тогда, когда революционная группа осознает, что она является катализатором революционного процесса, а не «авангардом». Революционная группа должна чётко понимать, что её цель — не захват власти, а её ликвидация — более того, она должна понимать, что вся проблема власти, контроля снизу и контроля сверху, может быть решена только в том случае, если не будет ни сверху, ни снизу.

Прежде всего, революционная группа должна избавиться от форм власти — статуты, иерархии, собственности, предписанных мнений, фетишей, атрибутики, официального этикета — как и от самых тонких, и от самых очевидных бюрократических и буржуазных черт, которые сознательно и бессознательно укрепляют власть и иерархию. Группа должна оставаться открытой для общественного контроля не только в своих сформулированных решениях, но и в самой их формулировке. Она должна быть последовательной в том глубоком смысле, что её теория является её практикой, а практика — её теорией. Она должна отказаться от всех товарных отношений в своём повседневном существовании и формировать себя в соответствии с децентрализующими организационными принципами того самого общества, к которому она стремится, – общины, собрания, спонтанности. Оно должно, по замечательному выражению Йозефа Вебера, «всегда отличаться простотой и

ясностью, всегда тысячи неподготовленных людей могут войти в него и руководить им, всегда оно остаётся прозрачным для всех и контролируемым всеми». Только тогда, когда революционное движение будет конгруэнтно децентрализованному сообществу, к которому оно стремится, оно сможет избежать превращения в ещё одно элитарное препятствие на пути общественного развития и раствориться в революции, как хирургическая нить в заживающей ране.

Перспектива

Самый важный процесс, происходящий сегодня в Америке, – это масштабная деинституционализация буржуазной социальной структуры. Развивается базовое, далеко идущее неуважение и глубокая нелояльность к ценностям, формам, устремлениям и, прежде всего, к институтам установленного порядка. В беспрецедентных для американской истории масштабах миллионы людей теряют свою приверженность обществу, в котором они живут. Они больше не верят в его утверждения. Они больше не уважают его символы. Они больше не принимают его цели, и, что особенно важно, они почти интуитивно отказываются жить в соответствии с его институциональными и социальными нормами. Этот растущий отказ очень глубок. Он простирается от противостояния войне до ненависти к политическим манипуляциям во всех их формах. Начиная с неприятия расизма, он ставит под сомнение само существование иерархической власти как таковой. Неприятие ценностей и образа жизни среднего класса быстро перерастает в неприятие товарной системы; от раздражения по поводу загрязнения окружающей среды оно переходит к неприятию американского города и современного урбанизма. Короче говоря, он стремится выйти за рамки любой партикулярной критики общества и превратиться в обобщённую оппозицию буржуазному порядку во все более широком масштабе.

В этом отношении период, в котором мы живём, очень напоминает революционное Просвещение, охватившее Францию в 18-м веке, — период, который полностью переработал французское сознание и подготовил условия для Великой революции 1789-го года. Тогда, как и сейчас, старые институты медленно разрушались молекулярным движением снизу задолго до того, как они были свергнуты массовым революционным движением. Это молекулярное движение создаёт атмосферу всеобщего беззакония: растущее личное повседневное неповиновение, тенденция не «идти на поводу» у существующей системы, кажущиеся «мелкими», но тем не менее критические попытки обойти ограничения в каждом аспекте повседневной жизни. Общество, по сути, становится беспорядочным, недисциплинированным, дионисийским — состояние, которое наиболее ярко проявляется в росте числа должностных преступлений. Развивается обширная критика системы — собственно, Просвещение, два века назад, и масштабная критика, существующая сегодня, — которая просачивается вниз и ускоряет молекулярное движение у основания. Будь то гневный жест, «бунт» или сознательное изменение образа жизни, все большее число людей — у которых не больше приверженности к организованному революционному движению, чем к самому обществу, — начинают спонтанно заниматься собственной вызывающей пропагандой делом.

В своих конкретных деталях распадающийся социальный процесс подпитывается из многих источников. Процесс развивается со всей неравномерностью, со всеми противоречиями, которые присущи каждому революционному течению. Во Франции 18-го века радикальная идеология колебалась между жёстким сциентизмом и небрежным романтизмом. Понятия свободы опирались на точный, логичный идеал самоконтроля, а также на смутную, инстинктивную норму спонтанности. Руссо враждовал с Гольбахом, Дидро — с Вольтером, но в ретроспективе мы видим, что один не только превосходил, но и предполагал другого в кумулятивном развитии к революции.

Такое же неравномерное, противоречивое и кумулятивное развитие происходит и сегодня, причём во многих случаях оно идёт по удивительно прямому пути. Движение «битников» пробило самую важную брешь в прочных ценностях среднего класса 1950-х годов, брешь, которая была в значительной мере расширена незаконными действиями пацифистов, борцов за гражданские права, сопротивляющихся призыву и длинноволосых. Более того, чисто реактивная реакция бунтующей американской молодёжи породила бесценные формы либертарианского и утопического утверждения — право заниматься любовью без ограничений, цель сообщества, отказ от денег и товаров, вера во взаимопомощь и новое уважение к спонтанности. Как бы ни было легко революционерам критиковать некоторые подводные камни в этой ориентации личных и общественных ценностей, факт остаётся фактом: она сыграла подготовительную роль, имеющую решающее значение для формирования нынешней атмосферы недисциплинированности, спонтанности, радикализма и свободы.

Вторая параллель между революционным Просвещением и нашей эпохой — появление массы, так называемой «толпы», в качестве основного средства социального протеста. Типичные институционализированные формы общественного недовольства — в наше время это упорядоченные выборы, демонстрации и массовые собрания — постепенно уступают место прямым действиям толпы. Этот переход от предсказуемых, высокоорганизованных протестов в институционализированных рамках существующего общества к спорадическим, спонтанным, почти мятежным нападениям извне (и даже против) социально приемлемых форм отражает глубокие изменения в народной психологии. «Бунтарь» начал, пусть частично и интуитивно, порывать с теми укоренившимися нормами поведения, которые традиционно приковывали «массы» к установленному порядку. Он активно избавляется от интернализированной структуры авторитета, от долго вырабатываемых условных рефлексов, от модели подчинения, поддерживаемой чувством вины, которые привязывают человека к системе даже более эффективно, чем страх перед полицейским насилием и судебной расправой. Вопреки мнению социальных психологов, которые видят в этих способах прямого действия подчинение индивида ужасающему коллективному существу под названием «толпа», правда заключается в том, что «беспорядки» и действия толпы представляют собой первые шаги массы к индивидуации. Масса имеет тенденцию к демассификации в том смысле, что она начинает утверждать себя против действительно образующих массы автоматических реакций, производимых буржуазной семьёй, школой и средствами массовой информации. В то же время действия толпы предполагают открытие улиц заново и усилия по их освобождению. В конечном счёте, именно на улицах должна быть растворена власть: ведь улицы, где повседневная жизнь терпит, страдает и разрушается, где власть противостоит и борется, должны превратиться в область, где люди наслаждаются, создают

и подпитывают повседневную жизнь. Восставшая толпа положила начало не только спонтанной трансформации частного бунта в общественный, но и возвращению от абстракций социального бунта к вопросам повседневной жизни.

Наконец, как и в эпоху Просвещения, мы наблюдаем появление огромной и постоянно растущей прослойки деклассированных слоёв — люмпенизированных индивидов, приходящих из всех слоёв общества. Хронически погрязшие в долгах и социально незащищённые средние классы нашего периода можно сравнить с хронически неплатёжеспособным и взбалмошным дворянством предреволюционной Франции. Как и тогда, так и сейчас, образованные люди жили на свободе, не имея ни постоянной карьеры, ни устоявшихся социальных корней. На дне обеих структур мы находим огромное количество хронических бедняков — бродяг, бродяжек, людей с неполной занятостью или вообще без работы, угрожающих, неуправляемых саскюлотов, выживающих за счёт государственной помощи и отходов, выбрасываемых обществом, — нищих парижских трущоб, негров американских гетто. Но на этом все параллели заканчиваются. Французское Просвещение относится к периоду революционного перехода от феодализма к капитализму — обоим обществам, основанным на экономическом дефиците, классовом господстве, эксплуатации, социальной иерархии и государственной власти. Повседневное народное сопротивление, характерное для 18-го века и вылившееся в открытую революцию, вскоре было дисциплинировано зарождающимся индустриальным порядком — а также голой силой. Огромная масса деклассированных и санкюлотов была в значительной степени поглощена фабричной системой и укрощена промышленной дисциплиной. Прежде беспринципная интеллигенция и свободные дворяне заняли прочные места в экономической, политической, социальной и культурной иерархии нового буржуазного порядка. Из изменчивого в социальном и культурном отношении состояния, весьма обобщённого в своей структуре и отношениях, общество вновь застыло в жёстких, партикулярных классовых и институциональных формах — классическая викторианская эпоха возникла не только в Англии, но и, в той или иной степени, во всей Западной Европе и Америке. Критика превратилась в апологию, бунт — в реформы, классы — в чётко определённые классы, а «толпы» — в политические электораты. «Бунты» превратились в благовоспитанные процессии, которые мы называем «демонстрациями», а спонтанные прямые действия — в избирательные ритуалы.

Наша эпоха также является переходной, но с глубоким и новым отличием. Во время последнего из своих великих восстаний санкюлоты Французской революции поднялись под пламенным лозунгом: «Хлеб и конституция 93-го года!». Чёрные санкюлоты американских гетто поднимаются под лозунгом: «Чёрное — это красиво!». Между этими двумя лозунгами лежит развитие беспрецедентной важности. Деклассированные общества 18-го столетия сформировались в период медленного перехода от сельскохозяйственной к индустриальной эпохе; они возникли в результате паузы в историческом переходе от одного режима труда к другому. Спрос на хлеб мог прозвучать в любой момент эволюции собственного общества. Новые классы двадцатого века создаются в результате банкротства всех социальных форм, основанных на труде. Они являются конечным продуктом самого процесса становления собственного общества и социальных проблем материального выживания. В эпоху, когда технологический прогресс и кибернетика поставили под вопрос эксплуатацию человека человеком, труд и материальные потребности в любой форме,

возгласы «Чёрное — это красиво» или «Занимайтесь любовью, а не войной» знаменуют собой трансформацию традиционного требования выживания в исторически новое требование жизни. (5)

В основе каждого социального конфликта в Соединённых Штатах сегодня лежит требование реализации всех человеческих потенциалов в рамках всесторонне совершенного, сбалансированного, всеохватывающего образа жизни. Короче говоря, потенциал революции в Америке теперь заложен в потенциале самого человека.

Мы являемся свидетелями крушения полуторавековой обуржуазивания и разрушения всех буржуазных институтов в тот момент истории, когда самые смелые утопические концепции становятся осуществимыми. И нынешний буржуазный порядок не может заменить разрушение своих традиционных институтов ничем, кроме бюрократического манипулирования и государственного капитализма. Наиболее драматично этот процесс разворачивается в США. В течение чуть более, чем двух десятилетий мы наблюдаем крах «американской мечты», или, что то же самое, неуклонное разрушение в Соединённых Штатах мифа о том, что материальное изобилие, основанное на товарных отношениях между людьми, может скрыть нищету, присущую буржуазной жизни. Завершится ли этот процесс революцией или уничтожением, во многом будет зависеть от способности революционеров расширить общественное сознание и защитить спонтанность революционного развития от авторитарных идеологий, как «левых», так и правых.

Примечания

1) Стоит отметить, что возникновение «общества потребления» даёт нам замечательное доказательство разницы между промышленным капитализмом времён Маркса и современным государственным капитализмом. По мнению Маркса, капитализм как система, организованная по принципу «производство ради производства», приводит к экономической деградации пролетариата. Сегодня «производство ради производства» сосуществует с «потреблением ради потребления», в котором обнищание принимает не экономическую, а духовную форму — это голод жизни.

2) Экономические противоречия капитализма не исчезли, но система может планировать их до такой степени, что они уже не будут иметь тех взрывных характеристик, которые были в прошлом.

3) Для более детального обсуждения «миниатюрных» технологий смотри «Towards a Liberatory Technology».

4) Несмотря на свою приверженность диалектике, традиционным левым ещё предстоит воспринять гегелевское «конкретное всеобщее» всерьёз и начаться рассматривать его не просто как философскую концепцию, а как социальную программу. Это было сделано только в ранних работах Маркса, в трудах великих утопистов (Фурье и Уильяма Морриса) и, в наше

время, бродяжничающей молодёжью.

5) Эти строки были написаны в 1966-м году. С тех пор мы видели граффити на стенах Парижа во время майско-июньской революции: «Вся власть воображению»; «Я принимаю свои желания за реальность, потому что верю в реальность своих желаний»; «Никогда не работай»; «Чем больше я занимаюсь любовью, тем больше хочу совершить революцию»; «Жизнь без мёртвого времени»; «Чем больше ты потребляешь, тем меньше живёшь»; «Культура — это инверсия жизни»; «Счастье не покупают, его крадут»; «Общество — это плотоядный цветок». Это не граффити, это — программа жизни и желания.

Версия #2

Зверобой создал 2 мая 2025 14:30:38

Зверобой обновил 2 мая 2025 14:36:01